

СРЕДОТОЧИЕ НАРОДОВ, ПЕРЕКРЕСТОК ЦИВИЛИЗАЦИЙ, МОСТ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: БЛУЖДЕНИЯ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ ИЛИ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО RATIO?

1. X Плехановские чтения – подвиг Дома Плеханова. Подвиг, потому что все состоявшиеся Чтения и само существование Дома Плеханова на протяжении уже двадцати лет имеют место в политико-идеологической среде, самое мягкое определение которой – *враждебная* идеалам и ценностям социализма, нарастающе *мракобесная*.

Но десять Чтений, привлекавших и продолжающих привлекать внимание многих людей далеко за пределами их аудиторий – это еще одно подтверждение жизнненности идеи социализма, ее значения для России и мира. Жизнненности, требующей подробного научного анализа полной, без изъятий и умолчаний, истории СССР и мирового социализма – включая социал-демократическое его направление, открытое для России Г.В.Плехановым. Об этом и хотелось бы поговорить на юбилее. Следуя заявленной теме Чтений, попытаюсь обозначить некоторые философско-методологические трудности, до сих пор мешающие марксистскому анализу истории и современности России.

2. Со времен Достоевского в общественно-политической мысли России сложилась «триада» политико-философских воззрений на место России в мире и путь ее развития. Неизбежно упрощая, компоненты этой «триады» можно обозначить так: (i) Россия – абсолютно самодостаточная (цивилизация, культура, страна, etc.), она не нуждается во внешних примерах и заимствованиях и должна идти своим, самобытным путем. Его желаемое содержание определяется разными авторами по-разному, главное для них –самобытность; (ii) Россия – неотъемлемая часть Европы и потому должна следовать европейскому образцу, под которым, впрочем, тоже понимаются разные вещи – от идеи социализма до социального дарвинизма; (iii) Россия – средоточие различных народов и конфессий, перекресток цивилизаций, соединение (некоторые авторы употребляют слово «мост») между Востоком и Западом и т.п.; и должна оставаться в этом качестве, вбирая и переплавляя в себе все в нее привнесенное и привносимое. В постсоветский период эта «триада» не просто реанимировалась, но стала «мейнстримом» публичных дискуссий.

3. В каждом из этих подходов есть доля истины и доля шизофрении. Разумеется, в жизни надо идти своим путем – но нежелание признавать чужие достижения, нежелание или неспособность учиться у других обрекают такую самобытность на неудачи, провалы и, на этой почве, многочисленные комплексы (превосходства-неполноценности, хамства-незащищенности и др.). Да, географически Россия – часть Европы; но конфессионально Россия исторически противостоит основным центрам европейской культуры, а Европа католическая и протестантская относилась и относится к России очень неоднозначно. Идущее с петровских времен стремление так или иначе догнать Европу рождает там и тут

впечатление о России как о некоей бедной и нежеланной родственнице. Да, Россия географически – значительная часть также и Азии, ее населяют разные народы; но на карте Евразии она – гигантская северо-восточная «чукотка»: основные цивилизации двух континентов расположены по ее периметру и уже веками торгуют, общаются, воюют друг с другом напрямую. В России представлена ничтожно малая и нерепрезентативная часть любой из этих цивилизаций.

Во всех трех случаях в «позитиве» – истина, но банальная; а в «негативе» – невозможность трансформировать образ желаемого в поддающиеся реализации цели, проекты, стратегии. Любой из предлагаемых ответов неконкретен, неоперационален и потому не допускает его воплощения в жизнь – а значит, продиктован и служит каким-то психологическим потребностям его сторонников. Это не рациональный и тем более не научный анализ опыта, проблем и перспектив страны, но исторической длительности *сеанс коллективной психотерапии*. Возможно, он врачует нашу психику; но строить на его основе планы относительно любого будущего России бессмысленно, если не опасно.

4. Три эти подхода – именно «триада», они нераздельно завязаны друг на друга, причем два первых совместно образуют гегелевскую дихотомию, а третий выглядит как прорыв за ее пределы, выход к дихотомии какого-то иного порядка. Однако выход этот не представляется ни рациональным, ни удачным. Выбор между самобытностью и Европой он подменяет еще более размытым двуединством «и Европа, и Азия» с четко выраженным креном в сторону Азии. Но какой Азии? Даже только мусульманская ее часть (формально представленная в России; но ее различия с зарубежным исламом велики и признаются по обе стороны границы) резко различается между Юго-Восточной Азией и Ближним Востоком (и внутри него); а есть еще Индия, Китай, Япония... От трех последних мы явно не берем ничего, даже от Китая; что остается? Не хочу никого задеть или обидеть, но какие цивилизации (в научном, а не публицистическом смысле слова) сосредоточены в пределах России или «пересекаются» здесь – и если последнее, то как?

5. Неизбежный вывод – исходная дихотомия ложна: нельзя замыкаться в себе или противопоставлять себя миру; но невозможно и «стать Европой», соединившись с ней в супер-евразийском союзе или воспроизведя Европу (хотя бы только по внешним ее признакам) на российских просторах. Это доказано опытом уже трехсот с лишним лет. Но и евразийство в любой его мыслимой форме – ответ не менее иррациональный в силу полной неопределенности его азиатской компоненты и очевидного, доказанного временем нежелания (или невозможности) заимствовать у Европы что-либо кроме технологий. Т.е. предлагаемый евразийством выход из ложной дихотомии оказывается в конечном счете тоже ложным. Не посягая на право и свободу публицистики, необходимо признать, что решающее слово в понимании истории и траектории развития России должна будет сказать наука. Она сегодня – в том числе и в марксистской ее части – стоит перед проблемой соотношения общего и особенного в социально-историческом процессе вообще и в истории каждой страны в частности. Особенное выявляется лишь в той мере, в какой мы знаем и понимаем общее. Последнее устанавливается на базе сопоставления возможно большего числа

конкретных случаев. Специфика России описана за последние двести лет подробно (хотя чаще всего однобоко, с одной из позиций «триады»). Знание же общих законов социального развития с либеральной стороны идеологизировано сверх всяких разумных пределов, а с марксистской – страдает не только от современной идейно-политической атмосферы в мире и России, но и от того, что его изначальная гипотеза была, как известно, выстроена на очень узкой эмпирической базе. Сегодня марксистский *синтез* формационного и цивилизационного подходов, вобравший в себя анализ перемен в мире за последние 150 лет, мог бы предложить научно содержательную, а не внешне новую, но по-прежнему интуитивную и эмоциональную – антитезу образам и идеям публицистического происхождения. Что мешает?

6. Устойчивое, на протяжении уже почти двух веков существование обозначенной «триады», на первый взгляд говорит о переживаемом Россией кризисе ее идентичности. Действительно, все признаки кризиса социальной идентичности российского общества налицо. Однако они – в другом содержании – присутствовали и в период перестройки, и в середине 1950-х, и в начале XX века, и в 1850-е-1860-е, и во времена Пушкина («лишние люди»), причем всякий раз очередному приступу кризиса предшествовал и сразу за ним следовал период консерватизма, нередко переходивший в годы удушающей реакции. Но никакой кризис не может длиться двести лет: тогда это или образ жизни, или же некий духовный процесс, лишь внешне облаченный в одежды кризиса. У этого процесса есть еще одна особенность: на всех его этапах виновницей бед и несчастий страны неизменно называлась мыслящая часть общества. Сегодня эта идея подается по-блатному грубо: дескать, если б не интеллигенция (а известно, из кого она состоит...), то не было бы в России ни 1917, ни 1991 гг., ни всего, что вместилось между ними, ни нынешней бузы «шакалющих у посольств» (интересно, что бы было?). В первой трети XIX века та же мысль, но изящно выраженная, составляет суть поэтической полемики русского империалиста А.С.Пушкина с польским республиканцем А.Мицкевичем.

7. Самое существенное здесь, на мой взгляд, ухвачено верно: зримым источником каждой новой вспышки кризиса идентичности всякий раз оказывалась именно мыслящая часть России. Причем – что особенно интересно и важно – как анти- или альтер-, так и проправительственная, прорежимная, просистемная. Начиная с Петра I, в России и СССР на самом верху (а не только среди оппозиции) не раз оказывались люди рационально-реформаторского склада мышления (как они действовали и чего добивались – иной вопрос). Главный водораздел неизменно пролегал по этой линии: с одной стороны, *все* те, кто пытается как-то *осмыслить* прошлое, настоящее, будущее страны (как именно – тоже другой вопрос, мы от него абстрагируемся); с противоположной – все те, кто (по любым причинам) сознательно *подменяет* осмысление аналогами негритянских *souls* – страданиями по (русскому) народу, блажью «спасения России» и прочими вариантами «плача Ярославны»; а также те, у кого любое напряжение мыслительных способностей вызывает труднопреодолимое желание схватиться за топор, казацкую плетку, пистолет или полпотовскую мотыгу. У всех без исключения вспышек кризиса идентичности была еще одна общая черта: они зарождались и

развивались как реакция мыслящей части общества на давящую духовно-политическую и творческую атмосферу в стране. Заметим – не на экономические невзгоды (самое начало XX века, период брежневского «застоя» или начало 2000-х гг. в этом смысле отнюдь не худшие) и даже не на репрессии (времена Николая I и Сталина остались яркими периодами в истории отечественного искусства). Но именно на *атмосферу*, т.е. на нечто *психологически и нравственно* (а не утилитарно, материально) *важное, значимое*.

8. Наука историческая психология рассматривает психику как развивающееся во времени явление. Все, что для нас привычно как воздух – язык, ассоциативные ряды (сравнения), интуиция и пр., в том числе способность мышления, возникло не вдруг, но формировалось веками и тысячелетиями. Новейшие этапы этой эволюции психики – становление рационалистического сознания (последние 2,5-3 тысячи лет), а в его рамках – сознания научного (последние 250-300 лет). Естественно, в разных культурах и цивилизациях процесс этот идет в различных условиях, разными темпами и с разными результатами. Идет он и в России, резко интенсифицировавшись вначале под влиянием 1812 г., в начале XX века – под влиянием идеи социализма, сегодня – под воздействием глобализации. Названные кризисы идентичности – не что иное как прорывы *ratio*, т.е. сознания рационалистического через многовековые духовные, политико-идеологические, конфессиональные и психологические завалы, вызванные когда-то к жизни психикой, опиравшейся на эмоциональное мировосприятие и миропонимание. В плане становления светского рационалистического сознания период 1812 - начала 1970-х гг. в России сравним с эпохой Просвещения (1600-1800) в Европе. Пришла пора идти дальше.

9. В начале XX века Г.В.Плеханов был одним из тех, чьими трудами, усилиями и воззрениями рационалистическое сознание расширяло свои позиции в России. Сегодня, когда внутриэлитные отношения разворачивают Россию к неофеодализму, и это находит подтверждение и опору в духовно-политическом реванше клерикализма, в откате культуры и образования, в лавине всяческого мракобесия, т.е. в мощном и всестороннем контрнаступлении духовной реакции на рационалистическое сознание – именно сегодня, на мой взгляд, крайне важно видеть три вещи:

во-первых, это контрнаступление – не результат действия лишь тех или иных субъективных факторов, но закономерная циклическая фаза социально-исторического процесса и его главного, стержневого компонента – исторического развития психики; наступления этой фазы можно и нужно было ожидать, к ней можно было быть готовыми;

во-вторых, одним из важнейших достижений России на протяжении XX века, как ретроспективно становится все более ясно, стало закрепление и развитие в обществе рационалистического сознания; это достижение подвергается в последние двадцать лет проверке на прочность и жизнеспособность, но не поколеблено, не отброшено назад;

в-третьих, если изложенное верно, то задача мыслящей части общества – и прежде всего тех, кто относит себя к сторонникам социалистической идеи, к духовным наследникам и последователям Г.В.Плеханова – удержать позиции разума, светского научного мировоззрения и научного, не идеологизированного подхода к познанию общественных явлений в целом и процессов, происходящих в России в частности.